

Главы 5 и 6 из повести A Window for Death,
Rex Stout, Three for the Chair, Bantam Books, N.-Y, 1958
Полностью настоящий перевод опубликован в сборнике «Заглянуть вперед», Санкт-Петербург,
1991, Издательство «Милета».

Глава 5

В среду утром, позавтракав по обыкновению с Фрицем на кухне (а Вулф, тоже по обыкновению, съел свой завтрак у себя наверху), я принялся за эти инструкции. Они были простые, но выполнить их оказалось совсем не просто. Первой и главной задачей было дозвониться до доктора Буля и устроить так, чтобы он явился к нам в офис к одиннадцати - времени, когда Вулф спускается в кабинет из теплицы, - и привел с собой Энн Горен. Во-первых, дозвонился я до него лишь к полудню. С девяти до десяти он на вызовах - это все, чего я добился от секретарши. Я попросил передать ему, что чтобы он мне позвонил, но звонка так и не дождался. После десяти к телефону стала подходить медсестра. Первые три раза она отвечала любезно и с нотками сочувствия в голосе, потом - коротко и сухо. Доктор все еще обслуживает вызова, о моей просьбе ему передали, но что она может сделать, если у него слишком много работы. Когда он, наконец, мне позвонил, условиться с ним и мисс Горен на одиннадцать было уже невозможно: часы показывали без четверти двенадцать; поэтому я предложил три часа и услышал категорическое нет. Ни в три, ни в четыре - никогда. Все, что он мог сказать о смерти Бертрама Файфа, он уже сказал, но если у Вулфа есть желание поговорить с ним по телефону, то пару минут он готов ему уделить. Я спросил у Вулфа. Тот ответил: нет, по телефону - нет. Тупик.

В конце концов, после обеда мне пришлось выводить машину из гаража и ехать все сорок миль - сначала по Уэстсайдскому шоссе, а потом, свернув на Сомилл Ривер Паркуэй, - в Маунт Киско, где в большом белом доме, стоявшем посреди зеленой лужайки, я обнаружил приемную доктора Буля. Мне передали, что он примет меня по окончании вечернего приема, который обычно длится с двух до четырех; но когда я приехал, в очереди еще сидело пять человек, так что у меня получился настоящий продолжительный визит к врачу с чтением неизменного набора журналов. Наконец та самая медсестра - она проработала у него лет шестьдесят, не меньше, - проводила меня в кабинет.

Буль сидел за столом, выглядел устало, но, как и раньше, безупречно. Он быстро заговорил:

- Мне нужно на вызовы. Я опаздываю. Что у вас там еще?

Я тоже умею кратко выражать свои мысли.

- Вопрос, - сказал я, - который поднимает один из родственников покойного. Не мог ли кто-нибудь вместо морфия подложить что-то другое? Прежде, чем передать этот вопрос полиции, мистер Вулф хочет проверить его сам, но если вы предпочитаете...

- Морфий? Вы хотите сказать, тот морфий, который ввели Файфу?

- Да, сэр. Раз уж этот вопрос воз...

- Дурак чертов. Я о Поле, конечно. Ерунда какая. Подменил - кто и когда?

- Не уточняется. - Я сел, хотя меня и не приглашали. - Но мистер Вулф не может оставить эту версию без внимания, и был бы вам очень признателен за небольшую информацию. Этот морфий вы передали сиделке лично?

По тому, как он на меня посмотрел, я понял, что мне сейчас посоветуют пойти и залезть куда-нибудь повыше, желательно на дерево, которое вот-вот упадет; но он передумал: решил, что лучше от меня отделаться раз и навсегда.

- Этот морфий, - сказал он, - из пузырька в моем чемоданчике. Я взял оттуда две таблетки по четверть грана, передал их сиделке и распорядился ввести одну порцию больному сразу после ухода гостей, а другую, если понадобится, - через час. Она говорит, что сделала все по инструкции. Утверждать, что таблетки кто-то подменил, - чистый бред.

- Да, сэр. А где она их хранила до того, как сделала укол?

- Не знаю. Она квалифицированная сиделка и абсолютно надежный человек. Если хотите, я у нее спрошу.

- Нет, спасибо, я сам спрошу. А ваш пузырек с морфием? Он не мог попасть в чужие руки?

- Это исключено. Нет.

- Может, вы недавно получали новую партию лекарств, в смысле, пополнили пузырек новым запасом морфия?

- Нет. С тех пор прошло, как минимум, две недели. А то и больше.

- А как насчет вероятности, пусть даже одной на миллион, что вы сами перепутали пузырьки?

- Нет. Ни одной на миллиард. – Он высоко поднял брови. – Вам не кажется, что вы слегка хватили через край? Пол, насколько я вчера понял из рассказа Дэвида, подозревает мистера Эрроу, который приехал в Нью-Йорк вместе с Бертом.

- Может, вы и правы, но мистер Вулф уважает аккуратность. – Я встал. – Премного вам благодарен, доктор. И пусть вам не кажется странным, что только ради этого я проделал такой путь. Мистер Вулф еще и осторожный человек. Он не любит выяснять по телефону вопросы о внезапной кончине больного.

Я вышел от него, сел в машину и уехал. Обратная дорога в сторону Паркуэй привела меня в центр города, где на угловом доме из красного кирпича, расположившемся в очень удобном месте, я увидел вывеску «Фармацевт Таттл». Мне было совершенно все равно, откуда звонить, поэтому я припарковался в конце квартала и пешком вернулся к аптеке. Внутри это было весьма солидное заведение – современное, хорошо обставленное, с богатым выбором товаров и бойкой торговлей: на высоких стульях у стойки бара сидело с полдюжины клиентов, и еще человек пять стояли или бродили по залу. Одного из них, у прилавка в дальнем углу, обслуживал сам владелец, Винсент Таттл. Я прошел через зал к телефонной кабинке, связался с телефонисткой, попросил набрать номер, который помню лучше всех других телефонных номеров. И через минуту голос Вулфа ожил у меня в ухе.

- Из Маунт Киско, - сказал я ему, - из телефонной кабинки в аптеке Таттла. Цитирую доктора Буля: подмена морфия – нелепость и бред. Происхождение морфия: он дал сиделке две таблетки по четверть грана из собственных запасов. Я продолжаю дальше?

- Нет, - зарычал он в ответ, как и всегда, когда его отрывают от работы в теплице. – А впрочем, да, продолжайте, но сначала – еще один небольшой опрос в Маунт Киско. После вашего отъезда я немного поразмышлял над этой загадкой с грелками, и, кажется, ее раскусил, хотя, может, и нет. В любом случае, стоит попробовать. Найдите мистера Пола Файфа и узнайте у него, что случилось с мороженым. Вы, должно быть, помните...

- Да, он купил его у «Шрамма» для какой-то воскресной вечеринки в Маунт Киско, принес в номер к Берту и положил в холодильник. И вы хотите знать, что с ним случилось?

- Да. Найдите и спросите. Если ему известно, что случилось с мороженым, тщательно проверьте все, что он скажет. Если нет – расспросите мистера и миссис Таттл, и их рассказ проверьте тоже. Если и они не знают, спросите и мисс Горен, когда будете разговаривать о морфии. Если она не знает, разыщите мистера Эрроу и спросите у него. Мне нужно знать, что случилось с этим мороженым.

- Это я понял. Только скажите – зачем, чтобы я хоть знал, что ищу.

- Нет. Вы, конечно, умеете хранить секреты, но, думаю, не смыслашний раз подвергать вас ненужному испытанию.

- Вы абсолютно правы, и я вам чрезвычайно признателен. Таттл тут, рядом со мной. Может, я с него и начну?

Он сказал: «Нет, сначала – Пол», и повесил трубку. Когда я вышел из кабинки и из аптеки, а потом пошел вниз по улице в поисках агентства Пола по торговле недвижимостью, я всю дорогу ломал голову над тем, какая же связь между знаменитым манговым мороженым «Шрамма» и грелками на кровати Берта Файфа, но, даже если таковая и существовала, я ее не обнаружил. Что, может быть, и к лучшему, так как, существуя она на самом деле, мне пришлось бы перенапрягаться, удерживая язык за зубами, а я этого очень не люблю.

Я нашел Пола на третьем этаже старого деревянного дома, над бакалейной лавкой. Его агентство состояло из одной крохотной комнатки, в которой помещались два письменных стола и несколько потертых стульев – видимо, часть отцовского наследства, доставшегося ему при разделе имущества. За столом поменьше сидела женщина – судя по виду, раза в два старше Пола, с тощей длинной шеей и громадными ушами; такая даже с ним могла чувствовать себя в полной безопасности.

- Вы? – сказал он. – Нашли что-нибудь?

Я посмотрел на женщину; та рылась в каких-то бумагах. Он сказал ей:

- Можете идти.

Она просто прилепнула свои бумажки чем-то тяжелым, встала и вышла. Никаких церемоний.

Когда дверь за ней закрылась, я ответил:

- Я еще ничего не нашел. Только ищу. Мистер Вулф прислал меня расспросить доктора Буля о морфии, а вас – о мороженом. Нам известно лишь то, что оно находилось в холодильнике в номере у вашего брата. А потом? Что с ним случилось?

- Да бог с вами. – Он уставился на меня, во всяком случае – здоровым глазом. Что в это время делал другой, с фингалом, трудно сказать. – На кой оно вам черт сдалось?

- Не знаю. Я вообще часто не знаю, чего хочет мистер Вулф, но эта машина принадлежит ему, резина и бензин – тоже, так почему бы его и не уважить? Мой вам совет: делайте то же самое – так будет и проще, и быстрее, если, конечно, нет в этой истории с мороженым чего-то такого, что вам не хотелось бы разглашать.

- Да кой там черт разглашать-то?

- Ну, тогда я и садиться не стану. Вы забрали его с собой в Маунт Киско, на ту воскресную вечеринку, о которой нам говорили?

- Нет. В воскресенье я вернулся сюда уже поздно вечером.

- Но вы снова ездили в Нью-Йорк, на следующий день, в понедельник – и на похороны, и чтобы еще раз навестить мисс Горен, – может, вы тогда и забрали мороженое.

- Послушайте, - сказал он, - мисс Горен давайте трогать не будем.

- Вот это мне нравится, - сказала я с теплотой в голосе. – Люблю благородство. А что же случилось с мороженым?

- Не знаю, и знать не хочу.

- После того, как в субботу вечером вы положили его в холодильник, вы его хоть раз видели, или трогали?

- Нет, не трогал. И знаете, что вам скажу? Кончайте хреновиной заниматься. Не знаю, откуда у этого толстого тьюфяка Вулфа такая репутация, но если он все дела ведет та... Куда такая спешка?

Я был уже у двери. Открыл ее, повернулся, вежливо сказал:

- Мое почтение, - и вышел.

Я вернулся по собственному следу в аптеку Таттла. Давешних клиентов сменили новые, но торговля шла полным ходом. Сверкающий купол таттловской лысины маячил за прилавком с косметикой. Встретившись с ним глазами, я подошел и спросил, не уделит ли он мне пару минут, когда освободится, а сам перешел к бару и заказал стакан молока. Молока уже едва оставалось на доньшке, когда он окликнул меня и поманил к себе. Я допил свой стакан и отправился за ним за перегородку. Он прислонился к прилавку и сказал, какой сюрприз, и что я тут делаю.

- Есть парочка мелких поручений, - сказал я ему. – Я приехал, чтобы доктора Буля расспросить о морфии, а вас – о мороженом. С Полом Файфом я уже поговорил. Помните, в субботу вечером он купил мороженого у «Шрамма» принес его к Берту в номер и положил в холодильник, чтобы потом забрать домой.

Таттл поправил меня:

- Я помню, как он об этом говорил. Так что вас интересует?

- Мистер Вулф хочет знать, что случилось с этим мороженым потом? Пол говорит, что не знает, что больше ни разу его не видел – положил в холодильник, и все. А вы?

- А я и вовсе его не видел.

- Я подумал, что вы могли обратить на него внимание. Вы с супругой ночевали там в субботу. В воскресенье утром вы обнаружили, что шурин умер, и все такое, но есть-то вы все равно что-то ели. Я подумал, что вы могли открывать холодильник, когда искали себе что-нибудь на завтрак, и заметили это мороженое.

- Завтрак мы заказали снизу. – Таттл наморщил лоб. – В номере готовить было не на чем. Но теперь я припоминаю: кажется, в субботу вечером за обедом Пол говорил что-то о мороженом. Он сказал, что то, которое подают у меня, не идет ни в какое сравнение с мороженым «Шрамма», и почему я не заведу себе такое же, а я ответил, что свою продукцию «Шрамм» продает только через собственные магазины, и что в любом случае оно у них слишком дорого. Потом, кажется, жена что-то говорила о нем в воскресенье, когда доставала из холодильника лед для напитков.

- В воскресенье вы его не пробовали? Или, может, домой взяли немного?

- Нет. Я же сказал, что вообще его не видел. Мы пробыли в отеле до понедельника и уехали домой сразу после похорон.

- И куда оно делось, не знаете?

- Не знаю. Полагаю, оно и сейчас там. Если только этот, Эрроу, не... а почему вы у него не спросите?

- Спрошу и у него. Но сначала, видимо, надо спросить у вашей супруги, раз уж я все равно здесь. Она где-нибудь поблизости?

- Она дома, на Айрон Хилл Роуд. Я могу позвонить, предупредить, что вы подъедете или, если хотите, можете поговорить с нею отсюда. Но я не пойму, какое оно имеет отношение к смерти моего шурина? Какая тут связь?

Мне подумалось, что эта реакция немного запоздала, но, может, он, как зять, просто не хочет вмешиваться в дела семьи. – Убейте – не знаю, - сказал я. Я делаю, что мне велят. Давайте позвоним вашей супруге: может, и ни к чему будет ехать ее беспокоить?

Он повернулся к телефону, стоявшему тут же на прилавке, набрал номер, дождался ответа, сказал жене, что я хочу ее о чем-то спросить, и передал трубку мне. Луиз, непосредственный член семьи, тут же сказала, что нелепо приставать с подобными глупостями, которые совершенно не относятся к делу, но, пошумев немного, выложила мне все, что знала - то есть, практически ничего. Мороженого этого она ни разу не видела, хотя, возможно, видела саму коробку. В воскресенье вечером, когда доставала лед из холодильника, она заметила на нижней полке большой бумажный пакет, и, вернувшись в столовую, сказала об этом мужу и брату Дэвиду, который был с ними. Она сказала, что это, наверное, мороженое Пола, и не хотят ли они немного. Они отказались, и она не стала заглядывать в пакет. Не имеет ни малейшего понятия, что с ним случилось потом. Я поблагодарил ее, положил трубку, поблагодарил мужа и смотался.

Следующая остановка – Манхэттен, 48-я улица.

Глава 6

Учитывая ситуацию с парковкой, вернее, полное отсутствие таковой, я давно не пользуюсь машиной, когда выполняю поручения в центре города, поэтому на 46-й улице я сразу свернул с шоссе и поехал в гараж. Я мог бы позвонить оттуда и доложить Вулфу, как продвигаются дела, но дом – совсем рядом, за углом, так что я решил явиться лично; и вот тут меня поджидал сюрприз. Дверь на мой звонок открыл не Фриц, а Сол Пэнцер. У Сола половину имеющейся на узкой физиономии площади занимает огромный нос. На первый взгляд кажется, что этому парню без посторонней помощи два и два не сложить, на самом же деле помощь ему не требуется нигде и ни в чем. Во-первых, он самый лучший из поддюжины оперативников, которых Вулф нанимает в случае необходимости, а во-вторых, ему вообще нет равных.

- Ну-ну, - поздоровался я с ним, - наконец-то ты заполучил мое местечко, да? Проводите меня, пожалуйста, в кабинет, сэр.

- А вы записаны на прием? – спросил он, запирая дверь. Затем прошел следом за мной к Вулфу.

Вулф сидел за столом. Увидев меня, хмыкнул:

- Уже? Так скоро?

- Нет, сэр, – ответил я ему. – Я по дороге из гаража. Прежде, чем пойду дальше, не желаете ли получить отчет по Полу и Таттлам?

- Да. Стенографически, пожалуйста.

На языке Вулфа «стенографически» означает не просто передать смысл сказанного. Но также описать жесты, действия, выражения лиц. Я сел и все ему выложил. Лучшего слушателя, чем Вулф, я не знаю. Он сидел, как обычно, с полуприкрытыми глазами, опираясь локтем на подлокотник кресла.

Когда я закончил, он немного помолчал, потом кивнул головой.

- Отчет принимается. Займитесь теперь другими. Машина вам все равно больше не понадобится, можно ее на время возьмет Сол?

Пусть вам не кажется, что вопрос этот был чисто риторическим. Между нами давно существует молчаливый уговор, что машина – единственная принадлежащая Вулфу собственность, распоряжаюсь которой я.

- Надолго? – спросил я.

- Сегодня на весь день, на вечер и, возможно, еще немного завтра.

Я взглянул на часы: шесть пятьдесят пять. От сегодня уже почти ничего не осталось. – Можно узнать, зачем?

- Пока нет. Может статься – искать ветра в поле. Как у вас сегодня с обедом?

- Не знаю. – Я встал. – Может, мороженым пообедаю, если найду. – Я подошел к двери, повернулся, предложил: - А гуся пусть за меня Сол съест, - и вышел.

Я поймал такси на 10-й авеню и, став частичкой тысячеколесного железного червя, направился к центру города, а потом через 48-ю авеню на Ист-Сайд. Да, рассуждал я, скорее

всего он что-то нашупал, ведь Сол берет уже полсотни зелененьких в день – солидный кусок, если учесть, что его отрывают от одной несчастной тысячки; но увязать мороженое с пустыми грелками я так и не сумел. Правда, не исключено, что Сола он посылает по совершенно другому следу. Ну, и бог с ним. Эта его манера постоянно темнить давно перестала действовать мне на нервы.

Квартира, которую я искал, находилась на 48-й авеню, между Лексингтон Сквер и 3-й улицей в старом кирпичном четырехэтажном доме, перекрашенном в желтый цвет. В вестибюле, у второй сверху кнопки, я увидел крохотную полоску бумаги, на которой едва помещались две фамилии – Горен и Полетти. Я нажал на кнопку, дождался, когда раздадутся щелчки, открыл дверь, вошел и поднялся по узкой лестнице на два пролета вверх; ступеньки были чисто вымыты – видимо, для разнообразия, – и покрыты ковровой дорожкой. Я вышел на лестничную площадку, и тут меня поджидал сюрприз. Открылась дверь, и на пороге появился некто, чья фамилия не была ни Горен, ни Полетти. Там стоял Джонни Эрроу и, прищурившись, смотрел на меня.

- О, - сказал он, - а я думал, это Пол Файф.

Я шагнул вперед.

- Если вас не очень затруднит, - сказал я, - я хотел бы поговорить с мисс Горен.

- О чем?

Его явно надо было слегка приопустить на землю.

- Ну и дела, - сказал я. – Только вчера вы бахвалились, что пригласили ее на обед.

Неужто успели уже дослужиться до сторожевой собачки? Мне нужно задать ей один вопрос.

Секунду мне казалось, что он спросит – какой именно вопрос, и ему, видимо, тоже так казалось, но он решил просто обойтись коротким смешком.

Он пригласил меня внутрь, провел через дверь с аркой в гостиную, набитую чисто по-женски всяким хламом, исчез куда-то и через минуту вернулся.

- Она переодевается, - сообщил он. Он сел. – Вы что-то там говорили насчет бахвальства? – в его медлительной речи звучало дружелюбие. – Мы вернулись буквально десять минут назад – играли в теннис, а сейчас собираемся пойти пожевать. Сегодня утром я хотел вам позвонить.

- В смысле, позвонить Вулфу?

- Нет, вам. Я хотел спросить, где вы покупали тот костюм, в котором были вчера. А сейчас мне захотелось узнать, где вы купили этот. Боюсь только, что покажусь вам чересчур навязчивым.

Я отнесся к его просьбе с пониманием. Парень пять лет из лесу не вылезал, и вдруг перед ним проблема: как вырядиться, чтобы покрасоваться в Нью-Йорке перед дамой сердца. Задача нешуточная, особенно если ему на это больше, чем десять миллионов зелененьких, не наскрести; и я выложил ему всю подноготную – от носков до рубашек. Мы как раз перешли к отделке жилетов, разбирая все «за» и «против», когда в гостиную вплыла Энн Горен. Я посмотрел на нее – и горько пожалел обо всех своих советах. Я с удовольствием сам бы повез ее сейчас куда-нибудь пожевать, если бы не был на работе.

- Простите, что заставила вас ждать, - учтиво сказала она. – В чем дело?

- Парочка мелких вопросов, - сказал я. – Я думал, доктор Буль вам позвонит – я был у него сегодня, но раз вы уходили из дома, то он, конечно, не дозвонился. Во-первых, о морфии, который он оставил вам в субботу для инъекции Бертраму Файфу. Он говорит, что достал из своего пузырька две таблетки по четверть грана и передал их вам, с инструкциями по применению. Правильно?

- Одну минутку, Энн, – Эрроу, прищурившись, смотрел на меня. – Для чего это вам?

- Ни для чего особенного. – Я смотрел прямо в его кареглазый прищур. – Мистер Вулф хочет выяснить этот вопрос раз и навсегда, только и всего. Вы отказываетесь нам помочь, мисс Горен? Я спросил у доктора Буля, где вы хранили морфий до того, как ввели его больному, и он посоветовал поговорить с вами лично.

- Я положила его в блюдце, а блюдце поставила сверху на бюро, в комнате у больного. Так всегда делается.

- Конечно. Если вы не против, может, вспомним все по порядку? С того момента, когда доктор Буль передал вам таблетки?

- Он дал мне их тут же перед уходом, и как только он ушел, я подошла к бюро и положила их в блюдце. По его инструкции, одну мне нужно было ввести больному сразу, как уйдут гости, а другую, если понадобится, – через час, что я и сделала. – Она говорила сухо, по-деловому. – В десять минут девятого я растворила одну таблетку в десяти кубиках

дистиллированной воды и ввела больному в руку. Через час он уже спал, но сон у него был немного беспокойный, поэтому я ввела и другую таблетку, после чего он уснул по-настоящему.

- Как вы думаете, таблетки в блюдце никто подменить не мог? Вы ввели ему именно тот морфий, который получили от доктора Буля?

- Ну, конечно.

- Послушайте, нараспев сказал Джонни Эрроу, - этот вопрос мне уже не нравится. Думаю, на сегодня хватит.

Я ослабилась в ответ.

- Что-то вы чересчур чувствительны. Если за дело возьмутся копы, они будут долбить ее такими вопросами часов пять кряду. Пятеро показали, что они заходили в комнату больного после доктора Буля, - и вы, кстати, тоже, - так что копы ее наизнанку вывернут, будьте покойны. Я не хочу портить ей аппетит перед обедом, поэтому просто спрашиваю, не заметила ли она чего-нибудь подозрительного. Или услышала. Так как, мисс Горен?

- Нет, не заметила.

- Ну, нет, так нет. Теперь другой вопрос. Может, вам известно, что Пол Файф принес с собой в номер мороженое и положил в холодильник. О нем упоминали за обедом, но вас там не было. Вы не знаете, что случилось с этим мороженым?

- Нет, - Она повысила голос. - Это уже и вовсе глупо. Мороженое?

- Мне часто приходится говорить глупости. Не обращайтесь внимания. Мистер Вулф хочет узнать о мороженом. Вам известно о нем хоть что-нибудь?

- Нет. Впервые слышу.

- О'кэй. - Я повернулся к Эрроу. - Теперь вопрос к вам. Что вам известно об этом мороженом?

- Ничего. - Он коротко хохотнул. - После вашего вчерашнего приемчика можете спрашивать, что вам в голову взбредет, только сзади не заходите. Теперь я вас подпускаю только спереди.

- Спереди я применяю другие приемчики. Вы не помните, за обедом Пол Файф что-нибудь говорил о мороженом?

- Кажется, да. Я уже не помню.

- Но сами-то вы его видели или трогали?

- Нет.

- И не слышали, что с ним случилось?

- Нет.

- Ну, тогда я хочу попросить вас об одной услуге. Тем самым вы окажете услугу и себе, потому что это самый быстрый способ от меня избавиться. Вы где обедаете?

- Я заказал столик у Растермана.

Да, он, безусловно, начинает входить в курс дела - небось, не без помощи Энн.

- Отлично, - сказал я. - Это по дороге - всего один квартал в сторону. Подбросьте меня до «Черчилль Тауэрз» и позвольте заглянуть в холодильник в вашем номере.

Как же оказалось кстати, что я не поленился просветить его по части портных и галантерейщиков. Иначе он наверняка отказался бы, и мне пришлось бы ехать уламывать Тима Эварта, начальника охраны гостиницы, а на это требуется и время, и деньги. Сперва Джонни было заартачился, но вмешалась Энн: она сказала, что намного дешевле и проще меня ублажить, чем тратить время на пререкания, - и сразу уладила дело. Похоже было, что ей и в будущем предстоит частенько заниматься такими увещеваниями, и я тут же решил, что уступаю девушку ему.

Она позволила ему накинуть на свои обнаженные плечи вышитый желтым палантин, он взял со стола черную фетровую шляпу. Пока мы спускались по лестнице, а потом ехали до «Черчилль» на такси, я мог бы прочитать ему небольшую лекцию о черных фетровых шляпах - рассказать, где, когда и с чем, но с нами была Энн, и я счел за благо помолчать.

Прихожая в их номере на тридцать третьем этаже в «Черчилль Тауэрз» была размером с мою спальню, а в гостиной спокойно разместились бы три бильярдных стола, и для игроков бы еще место осталось. Между гостиной и спальнями был внутренний коридор, в одном конце которого находилась буфетная с отдельным входом для гостиничной прислуги. В буфетной, кроме длинной встроенной стойки бара из нержавеющей стали, я увидел большой жарочный шкаф и еще больших размеров холодильник. Никакой плиты там не было. Одна дверь из буфетной вела к мусоропроводу.

Эрроу и Энн остались на пороге у качающейся двери - стояли, соприкасаясь локтями, - а я прошел внутрь и заглянул в холодильник.

В морозилке, в верхнем отделении, стояло шесть ванночек с кубиками льда, и больше ничего. Ниже на полках было десятка два разных бутылочек – пиво, клуб-сода, тоник; пять бутылок шампанского лежали на боку, стояла широкая ваза с апельсинами и тарелка с виноградом. Никакого бумажного мешка – ни большого, ни маленького – и никаких следов мороженого. Я закрыл холодильник и заглянул в жарочный шкаф. Пусто. Я открыл дверь мусоропровода, сунул голову – пахло там сильно, но не мороженым.

Я повернулся к парочке – ловцу и добыче.

- Ладно, - сказал я, - сдаюсь. Премного благодарен. Я ведь вам говорил, что это самый быстрый способ от меня избавиться. Приятного вам аппетита. – Они посторонились, я толчком открыл качающуюся дверь и пошел к выходу.

Когда Вулф спросил, что у меня с обедом, я ответил, что не знаю. Теперь же у меня была полная ясность. Домой доберусь к восьми тридцати, а днем я видел, что Фриц запасался продуктами для одного из самых любимых блюд Вулфа: купил восемь молодых омаров, восемь авокадо и бушель молодых листочков латука. Если он соединил все это в нужной пропорции с чесночком, лучком, петрушкой, томатной пастой, майонезом, солью, черным перцем, красным перцем, гвоздичным перцем и сухим белым вином, то у него наверняка получился салат «омар по-бразильски» под редакцией Вулфа, прикончить который к половине девятого даже Вулфу не под силу.

Так и получилось. Я нашел Вулфа в столовой, за столом. Он только-только приступал к пышному черничному пирогу под шапкой взбитых сливок. Омаров нигде не было видно, но Фриц, который открыл мне дверь, уже вносил большое серебряное блюдо, где их оставалось еще предостаточно. Запрет, наложенный Вулфом на разговоры о работе во время еды, шел на пользу не только ему, но и другим, включая меня, поэтому я смог целиком посвятить себя делу, в настоящий момент наиболее важному – соблюдению правильного соотношения поступающих в рот ингредиентов. Только после того, как я справился с омаром, а затем со своей долей черничного пирога, только после того, как мы перешли через коридор и зашли в кабинет, куда Фриц подал нам кофе, только тогда он потребовал от меня отчета. Каковой я ему и представил. Когда я дошел до кульминации – пустого холодильника (пустого, в смысле отсутствия в нем мороженого), я встал и налил еще по чашечке.

- Но, - сказал я, - если уж вам, бог знает почему, так важно знать, что с ним случилось, то одна маленькая надежда еще остается. В моем списке не было Дэвида. Я хотел позвонить вам из «Черчилля» - узнать, не стоит ли допросить и его, но побоялся остаться без омара. Он просидел в номере почти все воскресенье. Может, съездить к нему?

Вулф хмыкнул.

- Я ему сегодня звонил. Он был здесь в шесть. Говорит, ничего не знает.

- Ну, тогда все. – Я сел и отхлебнул из чашки. Никто на свете не умеет варить кофе лучше, чем Фриц. Я как-то пробовал делать то же, что и он, но вкус получился совсем другой. Я отхлебнул еще раз. – Значит, фокус не удался.

- Это не фокус.

- Да? А что же?

- Окно смерти. Думаю, это именно так. Вернее, было так. На сегодня пока все. А завтра посмотрим. Арчи.

- Да, сэр.

- Мне не нравится, как вы на меня поглядываете. Если вы собрались позубоскалить на мой счет – не надо. Ступайте куда-нибудь.

- С удовольствием. Пойду возьму еще кусочек пирога. – Я прихватил свою чашку с блюдцем и отправился на кухню.

Там я и просидел весь вечер: болтал с Фрицем, пока не пробило одиннадцать – время, когда он ложится спать, потом зашел в кабинет, запер сейф на ключ, пожелал Вулфу спокойной ночи и поднялся на два пролета к себе. Бывает, что после рабочего дня я ложусь спать с ощущением полного довольства собою, но не на этот раз. Мне не удалось установить судьбу мороженого. Я так и не понял, зачем ее нужно устанавливать вообще. Я не понял, что значит «окно смерти», хотя мне и было известно, что произошло однажды зимой двадцать лет назад. Одна из благороднейших обязанностей мужчины – давать отпор миллионерам, соблазняющим хороших девушек, но я и пальцем не пошевелил, чтобы помешать Эрроу. Да и вся эта история ни к черту: вряд ли получится выжать из нее больше тысячи зелененьких, не говоря уже о характере самого задания – выяснить, есть ли смысл обращаться в полицию. Дело дрянь, как ни крути. Обычно я засыпаю секунд через десять после того, как голова коснется подушки, но в эту ночь я вертелся и ерзал, и все никак не мог отключиться, пожалуй, целую минуту.

* * *